
ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА

УДК 82-822

Г. И. СЕДЫХ*

К ИСТОРИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «ДРУЗЬЯМ» (1943)

В статье, написанной в ознаменование 75-летия Победы, рассматривается история сборника стихотворений «Друзьям» (1943), выпущенного в Литературном институте и разосланного студентам, воевавшим на фронтах Великой Отечественной войны. Среди авторов сборника — фронтовики: студенты и выпускники Литинститута.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Литературный институт, сборник «Друзьям», Сергей Наровчатов, Борис Слуцкий, Андрей Турков, поэт-фронтовик.

У всякой истории есть своя предыстория. Есть она и у первой военной, а возможно, и самой первой книги под грифом Литературного института.

Естественно, что после 22 июня 1941 года и на фронтах Отечественной войны, и в стране возникла потребность в мобилизационной энергии стиха. Выпускник Литературного института, фронтовик А. М. Турков свидетельствовал: «Некоторое время в письмах с фронта обсуждалась родившаяся в Доме Герцена идея “о создании студентами — участниками Отечественной войны — книги о войне”» [1, 151].

Известно и то, что в Союзе писателей СССР тогда же началась работа по изданию сборника стихотворений фронтовых поэтов. Как свидетельствовал принимавший в этой работе участие Константин Симонов, «пришлось разобрать чудовищное количество накопившихся у меня стихотворений, было прочитано <...> около 15 тысяч строк, а выудил я каких-нибудь 800–900, может быть, тысячу» [2, 144].

Но подготовительная работа была отложена на послевоенное время, а затем и совсем свернулась. Думается, причины срыва крылись не в сложности отбора материала, а в чём-то более важном. Возможно, дело в концепции несостоявшейся книги, подготовка к печати которой осуществлялась издательством «Советский писатель». Ещё на стадии её комплектования начались расхождения составителей друг с другом. Принципиальные соображения высказывал К. М. Симонов, отстаивавший чисто фронтовое наполнение ан-

---

* Галина Ивановна Седых — руководитель семинара поэзии, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературного мастерства Литературного института имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); litsed@yandex.ru

тологии, в то время как Павел Антокольский стремился отойти от военной тематики. Симонов хотел, чтобы сборник назывался «Стихи с фронта», в то время как Антокольский уже дал ему название «Сборник молодых поэтов».

Симонов желал бы пересмотреть предложенный Антокольским список авторов в пользу поэтов-фронтовиков. Он непреложно отстаивал необходимость участия в нём студентов и выпускников Литературного института, предлагал, несмотря на занятость, стать редактором стихотворений Михаила Луконина, Сергея Наровчатова, Михаила Львова. Переживал за Ивана Баукова, не включённого в список, тепло отзывался о С. В. Смирнове, всегда отстаивал публикации Алексея Недогонова. Мотивация серьёзная — фронт: Яков Белинский — «автор скоро четыре года безотрывно на фронте», Сергей Смирнов — «по здоровью имел все основания не быть на войне — всё же провёл всю войну на фронте», Анатолий Абрамов — «фронтовик-боец, кое-что можно и почистить, но напечатать, по-моему, обязательно надо», краснофлотец Дмитрий Ковалёв — «есть и душа, есть и новый северный пейзаж, который тоже будет звучать в книге» [2, 143]. Антология «по Симонову» обоснованно расширялась...

Выпускник Литературного института, Симонов прекрасно понимал, кого и что отстаивал перед преподававшим в его alma mater Павлом Антокольским. В 1943 году он писал сокурснику Е. Гвоздеву: «...хотя наших студентов Литинститута когда-то считали богемой, и было хорошим тоном в писательских кругах говорить о нас пренебрежительно, однако при такой серьёзной проверке, как война, оказалось, что многие из нас (даже, пожалуй, большинство) хорошо работали — кто мечом, кто пером. Это хорошо и приятно, хотя, к сожалению, после войны и даже уже сейчас мог бы повесить очень длинную мемориальную доску с именами тех, кого уже не существует на свете» [2, 150]...

К сожалению, этот издательский проект большой антологии стихотворений участников Отечественной войны не состоялся. Ни в годы войны, ни в послевоенное время. Причины этого можно обсуждать, но сейчас будем говорить не о замыслах, а о свершениях.

Поэтический сборник «Друзьям» был собран в Литературном институте в тяжелейшие начальные годы войны и выпущен в самый её разгар, в 1943-м.

Тогда силами подвижников была издана, по сути, первая в стране поэтическая военная хроника, открывшая имена новых поэтов, поэтов-фронтовиков.

У книжки была редколлегия, которая, очевидно, и готовила издание. В неё вошли трое.

Гавриил Сергеевич Федосеев — один из основателей, заведующий учебной частью и в годы войны (1941–1944) директор института. Поступившим во ВРЛУ он сразу приглянулся «своим благородным профессорским видом», «магией медленного пластического слова» [см.: 1, 51–52, 68].

Леонид Иванович Тимофеев — превосходный педагог, лектор, в институте преподавал эстетику и теорию литературы, руководил семинарами поэзии, время от времени заменяя то Павла Антокольского, то Владимира Луговского. По воспоминаниям старожилов, студент Борис Куняев всегда носил в рюкзаке запачканный цементом учебник Тимофеева «Стихи и проза», чтобы читать его «во время бомбёжек в котловане». По учебнику «Теория литературы» нашего профессора обучались и до сих пор учатся филологи страны.

Слава Владимировна Щирина — студентка из знаменитого четвёртого набора (1936–1940), который первым в полном составе, всем курсом, добровольно ушёл на фронт. Она была парторгом, затем преподавателем истории на кафедре общественных наук. Для студентов института стала его душой, посредником встреч и ангелом-хранителем, другом и сестрой, вдохновителем многих начинаний Литинститута в военные годы.

ПРОЗА ФРОНТОВОЙ ПОЧТЫ

Изданию книги военных стихов предшествовала оживлённая переписка поэтов-фронтовиков между собой и с редколлегией. И эта переписка, в отличие от сборника, достаточно известна.

В 1975 году в майском номере журнала «Дружба народов» была впервые опубликована большая подборка писем студентов и преподавателей Литинститута, участников Великой Отечественной войны (публикация Е. Н. Кузнецова). Читатели получили возможность взглянуть на военное время глазами совсем юных, ещё никому не известных поэтов и их наставников. Из писем на фронт следовало, что институт оставался в Москве, на своём исконном месте — Тверской бульвар, 25. Он никуда не переезжал, хотя как раз на том месте, где сейчас стоит памятник Герцену, был пороховой погреб, а за чугуновой решёткой, вдоль бульвара, жерлами в небо смотрели зенитки.

Как следует из писем В. Жегис, Г. Шерговой, Р. Тамариной, В. Федотова, война диктовала Дому Герцена два противоположных уклада — военный и мирный. На верхнем этаже размещалась казарма роты истребительного батальона, а в нижнем шли занятия (и там, и там — студенты и преподаватели). Балкон первого этажа — сейчас его нет, но на фотографиях его можно увидеть — использовали как трибуну во время стихийного общеинститутского митинга 20 октября 1941 года, перед отправкой добровольцев института на фронт; занятия же у первого фронтового набора начались первого октября.

Литинститут оказался почти единственным столичным вузом, который по каким-то причинам не был эвакуирован в октябре 1941 года из Москвы. Возможно, о кузнице писательских кадров просто забыли в пылу суматохи и «ввиду малочисленности контингента учащихся». К тому времени все студенты призывного возраста были мобилизованы. Большинство из них ушли на фронт добровольно — ещё в составе из них же сформированного 22-го истребительного батальона; Сергей Наровчатов, Платон Воронько, Анатолий Медников, Михаил Луконин, Сергей Смирнов, Фридрих Траубе, Борис Лебский, Борис Заходер... Все эти студенты учились в семинарах поэзии (кроме Медникова, прозаика), и все они стали авторами сборника стихов «Друзьям».

Вторая публикация фронтовых писем вместе с юбилейными воспоминаниями появилась в канун 50-летия института в журнале «Литературная учёба» (1983. № 6), главным редактором которого тогда был один из лучших знатоков-экспертов советской поэзии, критик Александр Алексеевич Михайлов. С Литинститутом его связывала долгая педагогическая деятельность. Сначала в должности проректора, затем — руководителя семинара поэзии, к которому меня на длительное время приставили в качестве соруководителя.

В журнале, с учётом его обучающей направленности (литучёба), помимо писем, были также напечатаны: воспоминания выпускников разных поколений, в том числе и фронтовиков; обширная переписка Ильи Сельвинского со студентами своего семинара (комментарии Льва Озерова); интервью, анкеты, воспоминания, панегирики и пр.

Вслед за «Литературной учёбой» на собственный юбилей откликнулся и сам юбиляр, выпустив в свет довольно объёмную книгу «Воспоминания о Литинституте. 1933–1983». В неё, помимо мемуарных «фрагментариев и меморий», были включены материалы из первой, восьмилетней давности, публикации фронтовых писем, но уже с подробным комментарием А. М. Туркова. Книга выглядела нарядно, была выполнена с любовью к авторам и читателям. Наряду с историческими фотографиями в ней была представлена серия портретов, выполненных профессиональными фотомастерами «Литературной газеты».

Наконец, в 2008 году, в ознаменование 75-летия института, был осуществлён грандиозный проект — четырёхтомное издание «Воспоминания о Литературном институте. 1933–2008» (редактор-составитель С. В. Молчанова). Спустя четверть века с момента первой публикации письма фронтовиков были вновь продублированы, но на этот раз со стихами из сборника «Друзьям» (хотя и не всеми, выпали сразу шесть авторов — Е. Ройтман, Р. Тамарина, П. Набоков, С. Смирнов, Г. Шергова, Г. Миловидова) и — что важно — с воспроизведением его оригинальной обложки. По некоторым предположениям, владельцем этого экземпляра был Андрей Михайлович Турков, в те годы председатель институтской Государственной экзаменационной комиссии.

А на моем раритете, переданном мне Александром Евсеевичем Рекемчуком незадолго до кончины, — надпись, сделанная рукой Славы Щириной: «Серёжа! Первенец “Дома Герцена”, тебе, родному, к первомайскому празднику. 30/IV–43 г. Слава».

Мы долго размышляли, какому Серёже предназначен подарок. В то время их, Сергеев-фронтовиков, в институте было трое: Сергей Наровчатов, Сергей Смирнов и Сергей... Смирнов. Один — это Сергей Сергеевич, знаменитый писатель, летописец обороны Брестской крепости. А другой, со своей славой — Сергей Васильевич, известный баснями и «сатириками» (после войны вёл в институте семинар поэзии). Его активно поддерживал Константин Симонов при составлении так и не состоявшейся большой антологии стихов поэтов-фронтовиков.

А. Е. Рекемчук полагал, что автограф Славы адресован Наровчатову — он находился с ней в постоянной переписке. Но С. С. Смирнов был не менее продуктивен в эпистолярном жанре. Я же всё больше склоняюсь к мысли, что адресатом Славы был С. В. Смирнов. Именно он является законным «первенцем» (если предположить, что «первенец» — это обращение, а не характеристика книги), поскольку старше своего тезки: по возрасту на два года (1913) и по году набора (1936). К тому же его первая, ещё довоенная книга стихов называлась «Друзьям».

В 2013 году вышла завершающая книга четырёхтомника. Здесь в разделе «Оглядываясь в прошлое» напечатаны дополнительные мемуарные записи военного 1943 года.

СТРОЙ ВОЕННЫХ СТРОФ

Я получила от А. Е. Рекемчука книжечку «Друзей», обветшалые страницы которой схвачены в переплёте скотчем. Неумелой склейкой кто-то пытался соединить прошлое с настоящим, донести до нас правду времён «пепла и огня». Получился подлинный, как сейчас говорят, артефакт военной хроники Литинститута.

На титульном листе — название: «Друзьям», с пояснением: тетрадь стихов студентов литературного института Союза советских писателей 1942–1943 год.

Вверху титула — подчёркнутая линией надпись: «Первомайский подарок фронтовикам».

Выходные данные: Москва, 1943, издательство «Московский большевик», обложка А. К. Ростковского, тираж 300 экз.

Всё набрано типографским способом, сброшюровано и прошито, отформатировано размером и объёмом с блокнот — для удобства чтения. И до 1 мая 1943 разослано по фронтам воюющим студентам.

В сборнике «Друзьям» напечатано тридцать одно стихотворение восемнадцати молодых поэтов — участников событий военных лет. Стихи по тематике разделены, условно говоря, на фронтовые и тыловые. Авторы определили по месту нахождения — те, кто воевал на самой передовой линии фронта, и те, кто оставался в тылу и, не прерывая учёбы, работал на оборонных рубежах Москвы. Стихи, очевидно, отбирались из военной почты и рукописей семинарских обсуждений.

Среди авторов есть хорошо известные сейчас имена, но есть и такие, кто обозначил себя только стихами этого трогательного первомайского подарка. О них мне удалось собрать кое-какие сведения в процессе углублённого чтения военных писем и фронтовых воспоминаний, о чём позже.

То, что книжка доходила до адресатов, следует из благодарственных посланий.

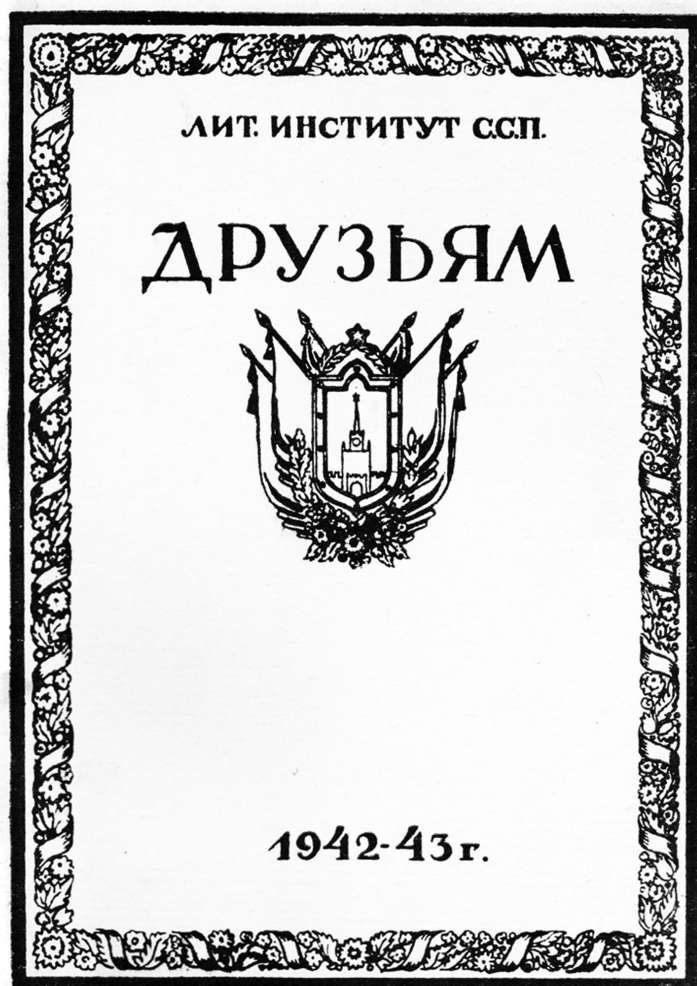
«Спасибо тебе за книжку. Я получил её. 15 февраля 1943 г. Александр Яшин».

«Получил тетради, за что благодарю. 26 марта 1943 г. Ваш Ф. Курбатов».

Полевая почта, как видно, работала с возможной чёткостью. Получив «первомайский» сборник, Сергей Нароватов отвечает: «Благодарю за лучший из подарков. Прочёл залпом... Читаешь и снова — вплотную локти товарищей и соучастников по стихам... Михаил Луконин, Женька Агранович, Борис Лебский, Платон Воронько, Федька Траубе... 12 мая 1943 год. Сергей».

А за три месяца до того институт поздравил своих питомцев с долгожданным событием — прорывом блокады на Невском плацдарме и полным разгромом армии Паулюса под Сталинградом. И опять по-военному точно и быстро сработала полевая почта — это видим по доставке солдатского треугольника лейтенанта Наровчатова, который спешит отрапортовать институту:

«Я был одним из первых, жавших руки ленинградцам. Это был День!.. Настроение под стать людям — напористое... Суть в одном слове: наступаем... Поздравляю тебя и весь Литинститут с разгромом фашистов под Сталинградом. Генералов там берут теперь оптом. Хорошо».

В этом же письме молодой поэт-боец упоминает о погонах, которыми скоро украсит «свои могучие офицерские плечи» [1, 153]. Письмо датировано 30 января 1943 г. Это время уставных реформ: командирские ромбы — знаки отличия в Красной армии (РККА) — заменили на погоны и вернули в действующие войска звание «офицер». Наступательная армия должна опираться на кодекс и традиции, завещанные предками. Ровно через два года офицер-«златопогонник» РККА (советской она станет после войны) прислал обстоятельное, похожее на будущий рассказ, описание марш-броска своей части на Запад: «Поход стремителен и безостановочен. Польша далеко позади, воюем в Германии... Я был в усадьбах фельдмаршалов фон Бока и фон Паулюса. 3 февраля 1945 г. Сергей» [1, 156].

Правда, вовремя не добрался первомайский подарок до Бориса Слуцкого.

«Получил твоё письмо без даты — о стихах погибших товарищей... Эти слёзы наших святых героев... Сборник “Друзьям” со стихами Лебского я не видел. По-видимому, это наш институтский сборник. Пришли мне его, пожалуйста, хотя бы в качестве подарка к моему двадцатипятилетию. 6 мая 1944 г. Борис» [1, 167].

Хотя для его посланий совсем не характерны просительные интонации, скорее — наоборот. Это стиль коротких указаний, требующих незамедлительного исполнения: получил — прочитал — ответил (но всегда через «пожалуйста»):

«Письма твои получил. Симонова тоже получил... Книжечку Кронгауза прочитал... Как вы, институт, пополяризуете его?.. Твой Борис Слуцкий» (без даты) [1, 166].

Так или иначе, на сборник «Друзьям» откликнулись с фронта и оценили его весьма высоко. Интересные рассуждения находим в письме-рецензии того же Сергея Наровчатова — на сборник и его новоявленных литературному миру авторов. Они сейчас полностью вписываются в концепцию развития нашей послевоенной поэзии: «Третье поколение — поколение непосредственных участников войны — придёт в литературу прямо из окопов и землянок. Пусть эти стихи слабее того, что мы писали раньше... Сейчас хорошо, что ни один из нас не потерял себя, своего голоса...». [2, 155]. Интересно, что точно так же думал о фронтовых стихах и их авторах Константин Симонов, когда писал свои «Письма о стихах» [1, 141].

И ПУШКИ, И МУЗЫ

Наровчатов назвал сборник «Друзьям», где был представлен всего лишь одним своим стихотворением, «поручкой стиха и боя». Он имел в виду уникальность этого издания. Прежде всего, удивителен сам факт выхода в свет вузовского «пособия» в такое тяжёлое для всей страны время — в условиях ежечасного выживания. То, что идея книжки была блестяще реализована, назвать иначе, как чудо, нельзя. Вот воистину реальное опровержение латинского изречения *inter anna silent Musae* (*когда говорят пушки, музы молчат*). Не молчат — воют!

Трудно представить себе более неподходящее время для собирания по фронтам стихов бойцов, чем весна сорок третьего года. Тогда, после великих побед в зимнюю кампанию (прорыв блокады Ленинграда, триумф Сталинградской битвы), наступило время «оперативно стратегической паузы». Немцы, в отместку за полный провал плана «Барбаросса», пригнали из Франции вагоны отборных вояк, сняв их с западных фронтов. И приступили к выполнению плана «Цитадель», методично продвигаясь на наш Юго-Восток.

Киев по-прежнему оккупирован, Воронежско-Харьковская операция 4 марта приостановлена, ранее освобождённые в январе-феврале города Воронеж, Курск, Белгород снова под немцами. Сдвинуты на конец лета Орловская и Донбасская наступательные операции. Харьков трижды переходит из рук в руки. Идут затяжные бои на Северо-Кавказских оборонительных рубежах. До коренного перелома на Курской дуге ещё долгих два месяца. Тревожно.

А в самом центре столицы, на Тверском, 25, думают, чем бы порадовать своих товарищей в канун Первомая. Но разве первая книжная публикация не лучший подарок для молодого поэта? Это не только демонстрация его возможностей, не только радость встречи (хотя и заочная) с друзьями «по перу и штыку», но и продолжение (тоже заочное) семинара у взыскательного мастера — там, в тылу.

Фронт и тыл взаимодействовали друг с другом как сообщающиеся сосуды: «Я потому так просто шёл и жил, / Так яростно сносил бои и беды, / Что

у меня есть свой глубокий тыл, / Который лично ждёт моей победы» — так написал Евгений Агранович в своём стихотворении для тетради «Друзьям».

Интересный факт. Незадолго до войны студент Кульчицкий предложил студентке Миловидовой занимательный, как сказали бы сейчас, проект: «Давай писать вместе. Книга будет в форме дневника. Параллельно на одной странице будет дневник Его и дневник Её». Если контаминировать письма и стихи сборника «Друзьям», то выглядело бы это примерно так.

— Подстилка — бурьян, одеяло — бурьян, подушка — шапка. Однажды проснулся и чувствую — плохо с ногой... Снял валенок — портянка примёрзла к пятке. Отогрелся вручную.

26 марта 1943 г. Ваш Ф. Курбатов.

— Матёрый кряжистый мороз / По бельмам окон ветер злее... / И утром прядь волос отклеишь, / Примёрзшую за ночь к стене (Г. Шергова. Дыхание в стужу).

— В какой низколобый проклятый век / Такое ещё на земле творилось! (А. Яшин. Город гнева).

— На чёрном небе — ни одной звезды... / Трассирующих пуль взлетает рой. / Вдали годов не встретишь равной ночи (Р. Тамарина. Фронтная ночь).

— И тело забьётся на глиняном дне. / Вторую весну я живу на войне (И. Бауков. Вторая весна).

— А здесь самарский снег. / Он Волгу пьёт заледенелой лавой (Г. Миловидова. От багряной осени).

Защищённый бойцом тыл — надёжный тыл, работающий. Это хорошо знали и Он, и Она.

— На лицах москвичей уверенности след... / Мы дарим им, как теплоту землянок, / Спокойствие московских площадей... / На запад путь тревогам запрещён (Г. Шергова. Вчерашняя оттепель).

— Чем дальше к западу, тем ближе к дому... / Спешим на запад. К дому нам пора (М. Луконин. Дума о доме).

— Шесть утра... Предрасветная темь. И покинувши тёплый кров, / Полная всяких творческих тем, / Иду на погрузку дров (Е. Николаевская. Утро).

— Мы вновь спешим на линию огня. / Туда... Где вместо ржи взошли могилы в поле, / Крестами птиц прилётных отпугнув (И. Бауков. Первое мая).

— Что у нас? Ребята на лесозаготовках. Большинство на фронте... А здесь у нас идёт третий военный набор студентов. Комиссия строгая. Рецензенты: Федин, Леонов, Асеев [2, 184].

Третий военный набор (курс 1943–1947) пришёлся как раз на завершение успешной зимней армейской кампании 1942–43 гг. А дальше долгое ожидание летней кампании 1943 года. В институте работы много, а людей мало. В основном комиссованные с фронта по ранению, молоденькие студентки и почтенные профессора — остальные воюют.

СТУДЕНТЫ-ВОИНЫ

Конечно, не все стихи сборника равноценны по технике исполнения. Так ведь и авторы разные — и по возрасту, и по школе ученичества у мастеров семинара. Самому старшему из авторов, студенту 6-го набора (1938–1942)

Ивану Баукову, было 34 года, а самой молодой, Галине Шерговой, всего двадцать лет. Оба они ушли на фронт добровольцами.

И литературный опыт у всех был различный. Так, Наровчатов и Луконин, прошедшие белофинскую войну, были уже признанными поэтами. Их печатали ещё в довоенное время. Остальные в литературу только входили. Некоторые позже, в мирное время, сменили профессию, но продолжали писать стихи.

Однако, при всех различиях, у этих авторов было многое, что их объединяло. Во-первых, они «люди войны», прекрасно осознававшие, что их учение ненадолго — каждый ждал часа, когда уйдёт на фронт. Во-вторых, Литинститут в то время жил, как и вся страна, событиями фронта, и его воспитанники жили и «воспитывались войной» [по слову Виктора Федотова; см.: 2, 181]. И, наконец, малая родина части наших фронтовиков находилась тогда либо под оккупацией, либо в прифронтовой полосе.

Как много было у нас выходцев из Украины: Павел Коган, Платон Воронько, Михаил Матусовский (Киев), Руфь Тамарина (Николаев), Анатолий Медников (Днепропетровск), Фёдор Траубе (Кривой Рог)... А больше всего в предвоенном институте оказалось харьковчан, которые создали даже своеобразное землячество. «Мы из Харькова», — любил говорить Кульчицкий, и в этом его тогда и позднее могли поддерживать студенты Б. Слуцкий, Б. Могилевский, П. Набоков, В. Стрельченко, Гр. Левин, В. Урин, Ю. Борев, Гр. Поженян, А. Кронгауз, Гр. Соловьёв...

Фронтовикам некогда было собирать свои архивы. Стихи пересылались полевой почтой, иногда в конвертике или даже открыткой. Наибольшую активность здесь проявил Борис Слуцкий — он и на фронте оставался лидером. Можно предположить его участие в составлении общего плана сборничка, хотя сам он во время войны стихов не писал. Зато буквально с дотошностью следователя задавал в письмах вопрос за вопросом: «Публикуется ли Луконин? Пишет ли Кульчицкий? Что сделано для Павла и Майорова, Полякова? Кто собирает их стихи?» [см.: 1, 165–167]. Здесь Слуцкий спрашивает о погибших друзьях-поэтах, ещё не зная, что Луконин жив. Он призывает институт связаться с их родственниками, пересылает туда адреса с требованием оказать реальную помощь осиротевшим семьям. Он постоянно торопит редактора сборника — не просьбами, а скорее, приказами, как в письме от 8 марта 1943 года.

«Если сейчас не собрать его (Лебского. — Г. С.) стихов, так же как стихов Павла, Майорова, Полякова, Траубе и тех, быть может, многих, о которых ты мне не пишешь, — они не будут собраны никогда. Нужно поднять на это дело нашу партийную организацию и всех ребят» [1, 166].

Борис Лебский представлен в сборничке одним стихотворением, как и Фёдор Курбатов-Траубе. Их имена чаще других упоминаются в письмах, а стихи поражают предчувствием жертвенности. Они погибли в год рождения тетради «Друзьям» — это была их первая книжная публикация, до войны печатались только в литинститутской стенгазете «За мастерство».

«Как нелепо, когда люди гибнут в такие светлые дни! А впрочем, и светлы-то они потому, что за них гибнут» (С. С. Смирнов).

ТОЧКА СБОРКИ

Для поэта правда факта и момент истины — в оклике поразившей его детали бытия и быта на войне. Всё это отображено в институтской хронике «Друзьям». Вот мобилизация 1941 года. Москва и Памятник-Пушкин. Он так и простоял всю войну «молча, с обнажённой головой» (В. Захарченко), «незащищённый... непокрытой и гордой своей головой как бы бросая вызов фашистам» (А. Медников). «Ах, какие б стихи написал, / Если б не был он монументом» (В. Жегис).

Таких мотивных рецептов у молодых поэтов много. Прежде всего — это мотивы памяти и отмщения. Отзываясь друг другу, переплетаясь, сходясь и отталкиваясь, они создают панорамную картину времени, его поэтическую историю-хронику.

Последними мы оставляли Киев...
Я плакал...
Глаза оставались сухие.
Их ненависть выжгла.
Их высушил гнев.
(В. Захарченко. Мост)

Я проходил, скрипя зубами...
Сквозь чёрный плен земли своей родимой...
Запоминал... Запоминал...
— Россия, мати! Свете мой безмерный!
Которой мезтью мстить мне за тебя?!!
(С. Наровчатов. По оккупированной)

Я вытерпел клокочущую жалость
К сожжённым судьбам в чёрных городах...
Дымящие — ещё внушали страх.
Приказывали мстить.
(Е. Агранович)

Прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
(Н. Майоров)

Губы сжав — живи. Плакать нельзя!.. Мы суровеем,
Друзьям улыбаемся сжатыми ртами.
(М. Луконин)

Раз можно синими губами
Любимый город отдышать.
(Г. Шергова. Дыхание в стужу)

Здесь эмоции глухого гнева свелись в единый символ войны, стали притягательным центром или, так сказать, точкой сборки стиха. Отсюда доминирующие образы мимики доведённых до края людей (солдат, народа) — обугленные рты, губы в зубы, синие губы, сжатые рты.

Но при этом наши «окопные поэты» (так назовут их позже историки) наделены конкретным чувством времени и обострённой памятью. «Запоминал, запоминал», — но что-то очень личное и значимое в общей судьбе народа. Конкретность, точность отсчёта времени во всём — год, месяц, сутки, час.

Холодная полночь, тревожная полночь,
Её не забудут во веки веков...
...Девочка заплакала в ночи...
На бульварах замерзали птицы...
Третий день ждала отца с ключами
Девочка и плакала ночами.

(П. Воронько. Полночь. Воздушная тревога)

От проливных октябрьских ливней
И до завьюжий января...
Где слово стынет возле рта.

(Г. Шергова. Дыхание в стужу)

И шёл, как ни в чём не бывало
Тринадцатый месяц войны.

(Е. Агранович. Благословение)

Не спится. Вычищу винтовку.
Восьмой уж месяц с нею на войне.

(М. Луконин. Дума о доме)

На войне время сжимается до точки ожидания, а ожидание взрывается брызгами будней вселенской эпопеи.

Вторые капли мелькают в окне.
Вторую весну я живу на войне,
Вторую весну несмолкаемый бой.
Вторую весну собираюсь домой.

(И. Бауков. Вторая весна)

А мне: ремень стянуть потуже
И мокнуть, от тоски тупея!?.
Как небо в бесконечных лужах,
Дробится в буднях эпопея.

(Е. Ройтман. Дождь в тьму)

СНАЙПЕРСКОЕ ПОПАДАНИЕ

Посмотрим, как тематическая и мотивная заданность отразилась на композиционной структуре. При первом чтении вызывает некоторое недоумение порядок расположения стихов. Они напечатаны в подбор, но странным образом. Девять авторов представлены читателям одним своим стихотворением, семь авторов презентуют себя диптихом. Сразу создаётся впечатление, что редакция хочет настроить читательское восприятие на антологический способ чтения стихов, где текст первичнее автора. Ведь часто любимые строчки запоминаются сами по себе, без какой-либо привязки к их творцу.

Но это не наш случай. В нашем, мне кажется, ставка делалась именно на личность автора. Иначе зачем при пагинации даётся такой разброс текстов по разным страницам сборника? К примеру, фамилия П. Воронько встречается дважды, М. Луконина трижды под каждым отдельным стихотворением. То же самое с В. Захарченко, А. Яшиным, Б. Заходером (у всех по два стихотворения на разных страницах). А вот Г. Шергова, Е. Агранович напечатаны традиционно компактным образом, без пробросов. Самое большое число стихотворений у И. Баукова — неужели редакция придерживалась принципа «старикам везде у нас почёт»?

Ещё одна странность в структуре тетради — это раздел «Содержание» (оглавление), где начальные буквы имён авторов отделены от их фамилий большим пробелом. Обычно так маркируют акrostих — игровую или эзотерическую часть послания. Но этот столбик из 26 начатий ни в какой из акrostихов не складывается. Тогда в чём смысл выделения? Памятуя, что в редколлегию входил теоретик стиха Тимофеев, а семинаром руководил поэт-конструктивист Сельвинский, я попробовала сгруппировать инициалы строк в частотном алфавитном порядке. Атрибутивность начатий именам авторов не вызывает сомнений. Вот как выглядит запись инициалов строк, фамилий и стихов.

- А. А, А. — Александр | Яшин, Соколовский (2. 1).
 Б. Б, Б. — Борис | Заходер, Лебский (2. 1).
 В. В. — Василий | Захарченко (1. 1).
 Г. Г, Г. — Галина | Шергова | — Генриетта | Миловидова (2. 1).
 Е. Е, Е. Е, Е. — Евгений | Агранович, Ройтман | — Елена | Николаевская (2. 2. 1).
 И. И, И. И. И. — Иван | Бауков (2. 3).
 М. М. М. — Михаил | Луконин (1. 1. 1).
 П. П, П. — Платон | Воронько, Набоков (2. 1).
 Р. — Руфь | Тамарина (1).
 С. С. — Сергей | Наровчатов, Смирнов (1. 1).
 Ф. — Фёдор | Курбатов-Траубе (1).

Эта запись натолкнула меня на мысль, что столбик начальных букв (начинаний, инициалов строк) надо рассматривать как навигатор по телефонной книжке. Только записи идут не по фамилии, а от имени. Ведь мы знаем, что поэты Литинститута звали друг друга по имени — «Я вспоминаю Павла, Мишу...». (Давид Самойлов).

Теперь представьте себе: взгрустнулось бойцу на привале, вспомнил он стихи однокурсника Бориса (Сергея, Ивана), открыл последнюю страничку тетради «Друзьям», провёл пальцем (глазами) по столбику сверху вниз, нашёл нужную букву — далее фамилия, название стихотворения, страница. Такая вот памятливая записная книжечка стихов на фронте. Хорошо придумано.

Ещё одна особенность тетради — продуманная составителями последовательность «строя строф». Она отражает все пережитые авторами этапы войны:

Мобилизация (Захарченко, Воронько). Оборона Москвы (Заходер, Шергова, Николаевская). Работа тыла (Тамарина, Ройтман, Смирнов).

Отступление на восток (Захарченко, Агранович). На линии боя (Курбатов-Траубе, Заходер, Луконин).

Решающие битвы (Яшин, Лебский). Окопная правда (Курбатов-Траубе, Набоков).

Наступление на запад (Наровчатов, Лебский, Луконин).

Разумеется, все эти этапы прописаны не в хронологической последовательности военных событий, а как жанровые особенности поэзии военного времени. Отсюда становится понятным принцип повтора фамилий некоторых авторов — это не дублирование имени, а указание на разность тем стихотворений.

У каждого из авторов свои жанровые предпочтения.

Захарченко, Яшин, Наровчатов, Траубе, Луконин представили стихи с потенциалом эпической поэмы или баллады.

Бауков, Яшин — стихи как песни.

Миловидова, Соколовский — стихи как романс.

Набоков, Захдер, Смирнов — стихи в стиле агитпропа.

Ройтман, Лебский, Агранович, Воронько — лирика в чистом виде.

И, наконец, стихи-репортаж Шерговой.

Общая отличительная черта всех авторов сборника — это умение быстро, по-журналистски оперативно откликнуться на событие и зафиксировать его в стихах. Такая вот очерковость при внутреннем тяготении к лиро-эпической описательности.

ДОЛЖНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

Поэзия военной тетради, в отличие от прозы фронтовых писем, долгое время находилась в забвении на периферии истории института. А ведь это абсолютно равноправные свидетельства времени. Стихи сохранили живые голоса, энергию и образ слишком молодых, но невероятно талантливых участников эпохальных событий XX века. А проза писем впитала в себя всю фактологию тех лет. У нас есть возможность сопоставить одно с другим.

Первая публикация подборки фронтовых писем в журнале «Дружба народов» — редкий случай обнаружения архива личных писем бойцов с передовой, подробно описывающих военные действия. Конкретные причины, по которым публикация этих писем появилась лишь через три десятилетия, неизвестны, но о них можно догадаться. Прежде всего, «почта войны» не допускала излишеств информации. А в этих посланиях открыто упоминаются номера войсковых частей, продвижение (отступление) фронта, места дислокации и род войск. Фронтовые адреса раздаются всем желающим [1, 153, 160]. Б. Слуцкий и А. Яшин пишут, что призваны в армию как политруки-агитаторы, П. Воронько и Ф. Траубе подробно рассказывают о своём участии в диверсиях партизанских отрядов, С. Наровчатов и Б. Лебский «варятся в самом котле на передовой», Б. Слуцкий иронизирует, мол, «живу хорошо, помимо экзотики работы по специальности». По косвенным признакам и намёкам можно догадаться, кто был кем.

Из писем других фронтовиков можно многое узнать о редакциях фронтовых газет 5-й танковой армии «На штурм» (Г. Шергова), «За отвагу» (Р. Тамарина). Они подчас становились чуть ли не филиалом Литинститута, где неслучайно пересекались «кое-кто из наших», как это случилось в редакции газеты «В бой за Родину» штаба Волховского фронта [2, 145]. Самые опытные «из наших» служили в разведке. Возможно, и в контрразведке, поскольку многие владели немецким языком.

«Погибли замечательные ребята. И как обидно: все они куда моложе, чем я. Там же погибла наша замечательная диверсантка Лира Никольская. 12 октября 1943 г. Платон» [1, 171].

Сейчас мы знаем, что в первые дни войны число мобилизованных на фронт писателей достигло двух тысяч, и более трёхсот из них не вернулись... На фронте даже была утверждена военная должность «писатель» (не путать с писарем). Именно должность, а не профессия. Агитпропу потребовались «люди войны», владеющие словом. В этом смысле писателями стали все наши студенты-фронтовики. Сами они как-то смущались звания по приказу и предпочитали называться по роду работы на фронте — военкор, политрук, агитатор, редактор. «Сейчас в нашей газете работаю как писатель (теперь эта должность называется спецкорреспондент)», — сообщает С. С. Смирнов в письме от 24 апреля 1943 года, и в нём же он поздравляет «всех институтских» с Первым мая [1, 169].

На фронте нашим поэтам многие производственные вопросы приходилось решать самостоятельно и, что называется, с колес. Так, Александр Яшин сам создавал и редактировал фронтовую газету, добывал бумагу, собирал типографию, искал наборщика. «Сейчас бы мне ещё парочку грамотных поэтов (не пошлёте ли?). Помирился бы и на прозаиках, а то вся редакция — я один». Так описывал он 9 августа 1941 года будни боевой работы писателя по должности [1, 158]. Надо понимать, что на войне у слова «должность» была ещё коннотация «долг».

В сборнике «Друзьям» был напечатан отрывок из сталинградской поэмы А. Яшина «Город гнева». Молодой поэт самокритично признаётся, что «поэма несовершенна... но тогда она была нужна». Яшин упоминает о боевой награде, сопряжённой почему-то с высокой литературой. «За Сталинград мне дали медаль “За боевые заслуги”... В наградном приказе значится: “Поэту-политработнику”. Это приятное словосочетание. Хотя к поэзии это награждение, конечно, не имеет никакого отношения. За стихи меня наградят после войны, а медальку эту я получил как политработник, как агитатор и боец. 11 февраля 1942 г.» [1, 162].

Такая информация с фронта табуирована для гражданского населения. По законам военного времени она должна бы вымарываться военной цензурой. Но в нашем случае этого не происходило. Почему?

У меня есть вольная версия — письма в адрес Литинститута были настолько поэтичными, что у военных цензоров не поднималась рука на выхощивание из них духа поэзии. В каждой фразе чувствовалось присутствие не информатора, а прежде всего — поэта.

«Сегодня выпал первый снег, рыхлый, наносной. Снег стёр границы. Вчера изрытая, исковерканная воронками земля обличала наш передний край. А сейчас и у нас, и на ничьей земле, и сзади, у вас — белым-бело. Я смотрю вперёд на ровный, нетронутый снег. По этому снегу мы пойдём вперёд. В этом году не будет первопутка. По снежной целине пойдём мы вперёд... 6 ноября 1942 г. Лейтенант Лебский».

«Как замечательно смотреть в тёмную ночь на горящие нефтешки. Мне кажется, ничего более эффектного я никогда не видел. Может быть, это от сознания, что горят немецкие нефтешки. 12 октября 1943 г. Платон».

«...Нет времени думать ни о чём как будто. Думаем о портянках, о гранатах. Шагаем по пятьдесят, а бывало, и по восемьдесят километров в сутки,

взрываем мосты и штабы, стреляем по немцам. И всё же есть время, чтобы вспомнить и маму, и институт, и семинары Сельвинского...»

(Далее описывается случай с молодым строптивым бойцом, что добавляет штрихи к поэту знаменитого нашего студента).

«Лейтенантствовать начну скоро (думаю, к концу августа). С Кульчицким встретился в лесу, а до того охранял помещение гауптвахты, где он отлежал трое суток (из-за пререканий со старшиной по поводу ложки. Такое было). Он теперь лесной Мишка-поэт! (Без даты.) Ф. Траубе-Курбатов».

«Я простой рядовой боец. Уже почти забыл, что я доцент и кандидат наук... И если я ещё вспоминаю о своей прежней специальности, то разве лишь для подходящей аналогии... Сражаться, как Роланд, ненавидеть, как умел ненавидеть Данте, отложить в сторону перья и взять в руки оружие, как это сделал Байрон. 13 сентября 1941 г. А. Аникст».

СТИХОЛЮБЫ И КНИГОЧЕИ

Хорошие учителя были у молодых поэтов фронта. «Так загреми же, как Дант, как Овидий», — призывал Илья Сельвинский. Его учеников потом называют «стальным поколением», «окопными поэтами», которые испытали все ужасы войны, «где властно правили душой железо и свинец» и где «уже не в минуте живём, а в вечности» (С. Наровчатов). И всё же — «лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустою душой» (М. Луконин).

По письмам и стихам литинститутцев видно, как они во всех ситуациях ощущали себя поэтами. Описывая свой военный быт, они непременно интересуются стихами «с большой земли», попросят выслать их, пришлют свои с просьбой показать мастеру. И хотя фронтовая обстановка не располагала к стихописанию, они все равно находились в ситуации «стихоцентризма». Некоторые примеры просто поражают. Особенно судьбы погибших поэтов. «Он всегда ценил свою принадлежность к жизни выше, чем принадлежность к литературе», — писал о Павле Когане Давид Самойлов. Однако в списке погибших много тех, кто ценил высоко как раз литературу, вернее, стихи. Арон Копштейн гибнет (ещё во время финской кампании), пытаюсь спасти друга-поэта Николая Отраду, раненого и тоже погибшего.

Но дружбы, может быть, другой не надо,
Чем эта, возникавшая в пургу,
Когда усталый Николай Отрада
Читал мне Пастернака на бегу...
И как о хлебе, соли и махорке
Мы снова будем спорить о стихах...
И вечный бой. Покой нам только снится.
Так Блок сказал. Так я сказать бы мог!

Эти стихи чудом сохранились в письмах и памяти друзей поэта, который хотел бы написать, как Блок, если бы не смерть на войне. Или Фёдор Траубе, читавший наизусть «Зверинец» Велимира Хлебникова во время патрулирования московского зоопарка при обороне Москвы. В одном из писем он пишет нечто противоречивое:

«Настроение pogodно-барометрическое... Стихов почти не пишу — полнейшее бесчернилье... Высылаю пару стишат. Прошу примерить их, куда подойдут... “Очень” жду рекомендацию Ямпольского и вообще писем» [1, 164–165].

А в феврале (день не указан) 1942 года Фёдор описывает замечательный эпизод из своей партизанской жизни и дружбы с Платоном Воронько. Как уходил в тыл к немцам, и друг (тоже партизан) напутствовал его быть осторожным:

— Ты по молодости слишком горяч. Запомни: никогда не спеши — не при на рожон, не рискуй без надобности.

Я слушал и думал о другом. Кажется, искал третье слово на “зо”, кроме “пузо” и “железо”. Я ходил, “рисковал”, “пёр на рожон” и вернулся.

Уходил Платон. И я, его друг, уговаривал его:

— Платон, ты переоцениваешь свои военные качества. Будь осторожен. Учти, у тебя одышка (откуда я взял, что у него одышка, — я сам не знаю). И ты сравнительно плохо видишь, тебе поэтому трудно стрелять издали. Будь же осторожен. Береги себя.

И я сам в это верил и очень боялся. А он, вероятно, думал о том же, о чём и я, когда уезжал. О третьем слове с окончанием на “зо”» [2, 167].

А ведь и в самом деле — нет третьей рифмы к этим русским словам (итальянские не в счёт). Но почему именно на «зо»? Да потому что постоянный голод «пуза» и власть над душой «железа» подавляются только стихами.

И вот уже Воронько шлёт в институт депешу:

«Пишу мало — чернил жалко. Но всё-таки к следующему самолёту... напишу и пришлю вам стихи. Отсюда доставить каждый грамм на большую землю очень дорого обходится. Значит, надо посылать не какую-нибудь дрянь, а вещь... А главное — посылайте ещё новые стихи. Здесь любят стихи. Платон» (без даты).

Как это перекликается с мыслями А. Яшина и Б. Слуцкого!

«Ну, будьте здоровы, пишите поэмы. После этой войны писать плохо — не позволим!.. В госпитале пишу рассказы и поэму, сколько могу» (1, СС. 158, 161). «...Сама пехотная война здесь литературабельней всего, что мне доселе приходилось видеть... Как институт? Может быть молодое поколение вышлет нам, троглодитам, что-нибудь рукописное?» [1, 166].

Фронтовики испытывали сильный голод по духовной пище. Они вспоминают о книгах и стихах, просят присылать их как можно чаще и быстрее. Ведь у бойцов «жизнь тогда хороша, полдня, / хорошо, коли полнедели» (С. Наровчатов). Кажется, о чём бы фронтовые друзья ни докладывали «центру литературы», всё будет сведено к стихам, сокурсникам и alma mater. О боях и наградах упоминается скупо и как бы вскользь, между делом.

«Можно многое рассказывать о народной войне, но я боюсь тебя утомить. Тебе ещё предстоит читать мои стихи — я посылаю их вместе с письмом. 18 ноября 1944 г. Сергей» [1, 156].

Воевавшие вместе ещё в финскую войну студенты М. Луконин и С. Наровчатов просят в письме из действующей армии:

«Друзья, товарищи, все, все, кто нас услышит, пришлите по паре строк. Ведь мы ещё ничего не знаем, мы ещё глухи и немые. Напишите обо всём: себе, о Москве, об институтских делах... Пишем стихи и очерки. Отъедаемся после голода и думаем о вас. О вас всех. О Москве. О Тверском бульваре. О милых людях милого института. 19 ноября 1941. Михаил Луконин, Сергей Наровчатов» [1, 153].

Сколько нежности в этих словах. И это Луконин — «волжанин и поэт с лицом молодого, задумчивого боксёра, спортивной фигурой и манерой нарраспев, как клятву, читать свои стихи...» (А. Медников). И это Наровчатов, написавший о своей первой войне страшные строчки: «Здесь мертвецы — стеною за живых... / Унылые и доблестные черти! Мы баррикады строили из них, / Обороняясь смертью против смерти!».

Из писем на фронт видно, как бережно, уважительно и с любовью относились в институте к своим защитникам, как посвящали их во все подробности своей не мирной тыловой жизни, по возможности радуя хорошими новостями — от рассылки сборничка «Друзьям» до официальных документов. Особенно часто в письмах фигурирует стандартное послание на четверть листа под копирку, машинка (Е. Ржевская, В. Федотов и др.).

«Дирекция, партийная и комсомольская организация Литературного института с радостью сообщают тебе, что решением Совнаркома от 1 июня 1942 года наш институт внесён в титульный список высших учебных заведений СССР. Это решение вынесено после ознакомления с составом института, особенно с теми, кто сейчас лично участвует в защите нашей Родины на фронтах Отечественной войны. Как видишь, в этом важном решении есть доля и твоего участия. Поздравляем тебя, ждём возвращения в институт после победы над врагом» [3].

Письма приходили в солдатских треугольниках (значит, точно с фронта!). В них были живые рассказы о военном быте, о перемене настроения у воюющих, описания боестолкновений, отчёты о всех значимых событиях, требовавших служения родине в тяжёлых фронтовых условиях. Были просьбы дать рекомендацию в партию, отыскать потерявшегося сокурсника, помочь семьям погибших друзей, выслать необходимые на фронте книги. Ну и, конечно, отозваться на злободневные стихи самих бойцов, которые даже на войне не хотели терять связи с творческими семинарами и новым студенческим поколением.

«Получаю письма от ребят. Пишу стихи. Пришлю. 12 мая 1943 г. Сергей» [1, 155].

«Представь себе, я даже стал писать стихи (главным образом, сатирические). Это, конечно, не от хорошей жизни... Пошли мой привет ребятам. На днях черкну Петру и Мише (Хорькову и Луконину. — Г. С.). Привет всему институту от мала (новые студенты) до велика (Гавриил Сергеич). 24 апреля 1943 г. Ваш Сергей Смирнов, 7 февраля 1945 г. Сергей» [1, 169, 170].

«Не было большей радости, чем воинские треугольнички, приходившие по адресу Тверской бульвар, 25 от наших старших друзей — М. Луконина, С. Наровчатова, С. Гудзенко, М. Кульчицкого. Этим писем мы ждали, словно от самых близких друзей, хотя знали наших фронтовиков только по рассказам и, конечно, по стихам» [2, 195].

Так вспоминалось В. Жегис, 16-летней студентке Литинститута первого военного набора 1941–1945 гг.

Ожидания эти были обоюдными. На фронте стихи и письма встречали как вестников и желанных гостей из прошлого мира, в который так хотелось вернуться вновь или хотя бы приблизиться к нему. Поэтому так остро переживалась их утрата.

«Стихов, товарищи, я ещё не написал, а те, что написал, взорвало бомбой с самолёта... за это невежественное обращение с поэзией мы сожгли тот самый самолёт, что бросал бомбы. 12 октября 1943 г. Платон» [1, 172].

«Посылаю адрес Луконина ПП. 11904 – Х. У него по дороге на фронт пропал весь стихотворный архив, и он горюет. Сейчас у нас начинаются экзамены. Затем лес или уборка. Новый учебный год 1 октября. Слава» [3].

«Давайте аккуратно переписываться... газете нужны стихи... Вот мой творческий отчёт», — сообщает в письмах от 24 апреля 1943 и от 3 октября 1944 г. спецкор фронтовой газеты, писатель С. С. Смирнов. Который «когда-то поступил в институт как юморист» [1, 160].

С юмором у авторов писем было всё хорошо. Литинститут мобилизовал на фронт сразу двух юмористов Смирновых, по имени Сергей, что уже было смешно (их различали по ФИО — СС и СВ). А. Яшин писал не без гордости:

«Мои песни поют на кораблях... мои стихи читают эстрадники». М. Луконин с фронта приготовил в качестве подарка Полине Германовне (П. Г. Печалина — преподаватель немецкого языка) «смешной немецко-русский разговорник, в котором приводится один смешной диалог: — Дайте мне 2 билета до Ленинграда. — Обратнo? — Нет, только туда... Я смеюсь: негодились им эти слова. Зато я хорошо выучил немецкое слово “капут”... Да здравствует Литературный институт! 27 мая 1942 г. Ваш Луконин» [1, 158].

Да и сама получательница писем, Слава Щирина, отличалась хорошим чувством юмора. В письме Елене Ржевской она сообщает новость о жене Наровчатова: «Нинка родила дочку, уже приступила к учёбе. Не дочка, а Нинка, конечно».

Чувство юмора на фронте и в тылу было необходимо — оно спасало от нечеловеческих перегрузок во время жизни под обстрелами. Отсюда выездные бригады артистов разговорного жанра, тексты которым писали, между прочим, наши писатели по должности. Некоторые поэты прекрасно владели лёгкими, отвлекающими жанрами. Скетчи, басни, репризы поднимали настроение. Их авторы имели прямое отношение к Литинституту (М. Светлов, С. Михалков, С. Смирнов, Б. Бедный, Л. Лиходеев, В. Бахнов). В институте с момента его основания долгое время работал семинар сатиры. Сочинялись, конечно, и анекдоты, которые потом уходили в народ.

На кафедре творчества любили «травить» литературные анекдоты. Один из них пользовался особым успехом:

— В Ленинграде был поэт. Он попал на фронт, стал командиром батареи. В дни обороны Ленинграда прославился. Бойцы любили его команды. Разгорячась, он кричал:

— За великую русскую литературу! (Залп.)

— За Ивана Сергеевича Тургенева! (Залп.)

— За «Войну и мир»! (Залп.)

На фронт из Литинститута уходила юность — «не докурив последней папиросы» (Н. Майоров), не дочитав последней книги. Е. Агранович в своём стихотворении так и написал — «я книжкой жил» (сборник «Друзьям»). Завзятыми «книгочеями» (Б. Слуцкий) предстают в дневниках и письмах друзей поэты Илья Лапшин и Борис Лебский. Книгомания последнего была постоянным поводом для тревог за его выживание на войне.

«Лебский, передав приказание, сел у телефона и стал читать толстую книгу... Это был томик Стендаля. Он всегда читал, если имел хоть малейшую к тому возможность...

— Какого чёрта, старик, вы впились в книгу? Вы при исполнении... И нет другого времени что ли?..

— Нет, — ответил он с простодушной искренностью...

— Ну, так Стендаль подождёт...

— Нет, — возразил Лебский, — Стендаль не подождёт. Откуда я знаю, сколько ещё времени смогу читать его?

Только через много лет я оценил провидческую печаль этих слов. Пулемётчик Боря Лебский погиб в сорок втором где-то в степях Украины» (А. Медников).

На войне погибали по-разному. Одни, как Павел Коган, поднимали товарищей и шли в атаку, жертвуя своей жизнью. Другие, как Фёдор Траубе-Курбатов, от подлой снайперской пули.

ФАКТОР ИМЕНИ

«У поэта есть только имя и судьба», — утверждала Марина Цветаева. Не каждый человек сумеет вписать своё имя в историю так, чтобы встать с веком наравне. Некоторые уйдут в небытие безымянными, без отклика, без отзыва в будущем.

Судьба испытывала красивых, двадцатидвухлетних авторов студенческого раритета страшной войной. Она лишила их нормальной юности и даже жизни, но сохранила имя поэта. Сейчас из разрозненных воспоминаний проступает облик тех, кто в своё время считал Литинститут золотым островком идеализма, лирики и романтизма. Необходимо восполнять их биографии. Они все ушли из земной жизни, оставив нам свои звонкие имена и трудные судьбы Поколения Победителей.

Для их представления буду использовать архивы личных дел, воспоминания и так называемые погодные списки литинститутцев, собранные в справочнике «Они учились в Литинституте. 1933–2006» (М., 2006). При всём несовершенстве и поспешности их издания, других более выверенных источников информации пока нет. Надо понимать, что списки отражают архивные материалы, которые долгие годы находились в плачевном состоянии. Многое исчезло при разных обстоятельствах, погибло, не разобрано, перепутано...

В уязвимом положении оказались фронтовики, которые учились с перерывом на войну. Таких было немало. Например, Борис Заходер дважды прерывал учение, уходя вновь на фронт после каждой демобилизации по ранению. То же самое происходило с первокурсницей Галиной Шерговой. Сейчас в хронологии военных лет обучения студентов есть существенные расхождения. Так, дважды восстановленный в институте фронтовик Андрей Турков пишет, что его курс второго военного набора (осень 1942) — это Галина Шергова, Лена Николаевская, Платон Набоков, Саша Соколовский. Из старожилов Евгений Ройтман, Семён Гудзенко, который особенно сдружился с Шерговой и Ройтманом.

К сожалению, в студенческих списках нет ни А. Соколовского, ни погибших Б. Лебского и Ф. Траубе. Очень скудная «списочная информация» отведена Г. Миловидовой и Е. Ройтману. Платон Воронько тоже не удостоился ни строчки.

А между тем курс Андрея Туркова был представлен стихами (по одному-два) в студенческом военном сборнике «Друзьям» — это было младшее

поколение поэтов, только приступившее к занятиям в институте. Старшее уже воевало: больше года — с немцами, а с учётом войны с белофиннами — несколько лет (Наровчатов, Луконин, Бауков, Заходер). Чтобы не путаться в датах и курсах, предлагаю более простую шкалу отсчёта — довоенное и военное время набора. Выглядеть это будет так:

	Набор	Выпуск
ДОВОЕННЫЕ КУРСЫ		
Смирнов С. В.	1936	1940
Захарченко В. Д.	1937	1941
Наровчатов С. С.	1937	1941
Яшин А. Я.	1937	1941
Смирнов С. С.	1937	1941
Бауков И. П.	1938	1942
Луконин М. К.	1938	1942
ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ КУРС		
Ройтман Е. Н.	1941	1945
Тамарина Р. М.	1941	1945
ВТОРОЙ ВОЕННЫЙ КУРС		
Набоков П. И.	1942	1946
Николаевская Е. М.	1942	1946
Соколовский А.	1942	1946
Миловидова Г. Л.	1942	-
Шергова Г. М.	1942	-
ТРЕТИЙ ВОЕННЫЙ КУРС		
Заходер Б. В.	1943	1947
ЧЕТВЁРТЫЙ ВОЕННЫЙ КУРС		
Агранович Е. Д.	1944	1948
Шергова Е. М.	1944	1948
ПОСЛЕВОЕННЫЙ КУРС		
Миловидова Г. Л.	1952	1956

Здесь всего шесть позиций набора и выпуска курсов обучения всех авторов первой студенческой тетради военных стихов «Друзьям».

Обратим внимание на отдельные и малоизвестные эпизоды из жизни литовцев, в том числе ставших известными советскими поэтами.

Сергей Васильевич Смирнов. Родная дочь называла его поэтом с сердцем «атеистического миссионера», который сурово судил домочадцев за инакомыслие: в кабинете портрет Ленина вместо фотографий детей-внуков-правнуков. Однако студенты запомнили его как очень доброжелательного

наставника. Он проработал в alma mater свыше сорока лет, и до конца жизни оставался верен единственно правильному принципу — служение, долг, верность. На этом и стоял, этому и учил своих семинаристов. Литинститут для него всегда был храмом поэзии, где он обрёл профессию и учителей, которых боготворил как небожителей. В Великую Отечественную был рядовым панфиловской дивизии. Из воспоминаний о нём самые интересные принадлежат его дочери Наталии Алеевой (альманах «Литературные знакомства». 2015. № 1. С. 239–244).

Василий Дмитриевич Захарченко. В литературных кругах был известен и под литературным именем В. Дмитриев — прозаик и популяризатор научных знаний в эпоху НТР. Во время войны служил в армии (капитан). За неуёмную энергию коллеги по цеху называли его «многоликий Вэ Дэ». С 1950 года был главредом очень востребованного тогда журнала «Техника — молодёжи». Но во времена застоя был уволен с должности за отважную публикацию романа Артура Кларка «2010: Одиссея Два», в котором некоторые персонажи узнаваемо носили имена наших диссидентов. Себя называл поэтом по призванию и инженером по образованию. Одно время вёл в Литинституте семинар поэзии с уклоном в науку (как Валерий Брюсов), основываясь на идеях своей книги «Разговор с электрическим мозгом» (о молодой науке кибернетике).

Сергей Сергеевич Наровчатов. В молодости его иначе как «очаровательный» не называли. «Помню появление в Литинституте блистательного, красивого как молодой бог Сергея Наровчатова. Баловень родных, друзей и девушек... Он покори́л всех» (М. Львов). Перед войной окончил сразу два вуза — ИФЛИ и Литинститут. Участник двух войн, с 1939 по 1945 год. Был блестяще образованным человеком и до конца своей жизни оставался выдающимся московским книжником. Одно время вёл семинар поэзии в Литинституте и был главным редактором журнала «Новый мир», занимал при этом высокие посты в Союзе писателей СССР. Известный общественный деятель. Среди его знаменитых учеников — Юрий Кузнецов, который всегда почтительно отзывался о творческом наставнике. Одно из последних стихотворений Наровчатова звучит, как покаяние: «Много злата получив в дорогу, / Я бесценный разменял металл, / Мало дал я Дьяволу и Богу, / Слишком много Кесарю отдал».

Александр Яковлевич Яшин. О его «глуховатом вологодском оканье» (К. Симонов) сохранились воспоминания многих поэтов. Родоначальник «вологодской школы», предсказавший творческую судьбу Н. Рубцова и В. Белова. С 1950 года окончательно перешёл на прозу, заявив во всеуслышание: «Народ страдает, а мы стишки пишем — мне это показалось очень стыдным». При этом всегда любил поэзию и не раз признавался, что «на фронте часто читаю Пушкина, особенно “Медный всадник”». Эту поэму он знал наизусть.

Иван Петрович Бауков. Участник двух войн, автор песенно-лирических стихов. В годы Великой Отечественной служил в Уральском добровольческом танковом корпусе. По стихам видно, как он устал от войны, поменявшей все его представления о мирной жизни. В институте учился на одном курсе с М. Лукониным и Б. Слуцким. Его военная лирика оценена К. Симоновым. Автор нескольких лирических книжек, отмеченных Е. Евтушенко в антологии «Строфы века».

Михаил Кузьмич Луконин. До войны работал на Сталинградском тракторном заводе, затем перебрался в Москву и поступил в Литинститут, чтобы создать «Московскую школу ямбистов» (пишущих ямбами, т. е. традиционной силлабо-тоникой). Его лирика начиналась обменом смертными медальонами с Николаем Отрадой, который погиб в 1939 году «на той войне незначимой» (финской). С тех пор чувство вины не покидало поэта. «Я должен был погибнуть с ними в 1941... Я живу сверх меры». Прямота, монолитная цельность, вера избранному идеалу — вот составляющие лирики сурового воина, «не знающего той пустоты и той отрицательной свободы, при которой надо делать выбор» (Лев Аннинский).

Евгений Ильич Ройтман. Как поэт начинал очень ярко. Учился в семинаре Павла Антокольского, значит, не противостоял классике. Особо отмечен Сергеем Наровчатовым и Андреем Турковым ещё по первой публикации в сборнике «Друзьям». После войны сменил фамилию на Ильина и уже под ней стал печататься как «шахматный литератор» — журналист, обозреватель и «маэстро эпиграммы». Шахматы стали его постоянной привязанностью: «О, конкретная отвлечённость / Удивительнейшей игры — / И учёность, и утончённость, / И миры, и антимир!» Утончённый, «интеллигентный, остроумный и доброжелательный человек» (В. Хенкин). Дружил с сыном Сергея Есенина и Зинаиды Райх — футбольным всеведом Константином Есениным. Написал много книг про шахматы и шахматистов. Историк шахмат и других игровых видов спорта.

Руфь Мееровна Тамарина. Ушедшая добровольцем-санинструктором на фронт, безвинно оказавшаяся в штрафбате, человек, которого многие десятилетия преследовало горе — но сломить не смогло. Упоминается в письмах А. Яшина и Б. Лебского в марте и мае 1942 года, когда она на короткое время вновь оказалась за партой Литинститута... В 1948 году была репрессирована, оказалась в ГУЛАГе. Долгое время после реабилитации жила в Казахстане, после смерти мужа переехала в Томск к сыну. Всюду активно печаталась, вела занятия в ЛИТО. Через моего студента-томича Митю Коро передала последнее письмо и книжку своих стихов для горячо любимого ею Литинститута. Книжка была прочитана и передана нашей библиотеке, а надиктованное Мите письмо хранится у меня. Руфь Мееровна — автор нескольких книг стихов и прозы, в том числе автобиографической повести «Щепкой в потоке».

Платон Иосифович Набоков. Также человек трагической судьбы, по тяжести пережитого схожей с судьбой его однокурсницы Руфи Тамариной. Фронтвик. Учился в семинарах Николая Асеева, Ильи Сельвинского, работал в газете «Известия». Внешне всё выглядело благополучно: из Украины, где родился, — в Москву, из института — в центральную газету. Но в феврале 1951 года последовал арест и осуждение на десять лет по статье «за групповую антисоветскую деятельность и агитацию». В 1955 освобождён со снятием судимости, но реабилитирован только в 1991 году. Автор книг стихов, воспоминаний (в сборнике лагерных мемуаров «Озерлаг. 1937–1964». Париж, 1991). Член Московской ассоциации жертв незаконных репрессий... В начале 1990-х был гостем моего семинара, читал стихи, о жизни в институте и лагере не говорил, да его и не расспрашивали, увы...

Далее, вслед за Платоном Набоковым, идёт весь немногочисленный второй военный курс. Лучше всего своих однокурсников описал Андрей Турков, который по возрасту был им ровня: «Броская, острая на язык и с такими же броскими стихами *Галина Шергова* <...> *Лена Николаевская* <...> после одной из наших тогдашних поездок на заготовку дров написала об этом стихи, в которых была такая юная радость жизни наперекор войне, что с добрым любопытством слушал их язвительный Илья Сельвинский и расплывался во влюблённой улыбке Николай Асеев <...>. *Платон Набоков* уже хлебнул солдатского лиха и писал об этом с некоторой бравадой: «Какие к чёрту там карельские берёзы! / К одной я финна пригвоздил штыком...». *Саиша Соколовский* — «сын детской писательницы Саконской, бойкий и довольно самоуверенный, мимоходом сыпавший именами знакомых ему знаменитостей, в том числе Марины Цветаевой» [2, 510], смерть которой его потрясла — он только что вернулся из эвакуации в Елабугу и вскоре, достигнув совершеннолетия, отправился корреспондентом во фронтовую газету... У многих он остался в памяти весёлым, неунывающим парнем, всеобщим любимцем, шутником и балагуром.

Одной из самых загадочных студенток была и осталась *Генриетта Миловидова*, начинавшая учебу ещё при Кульчицком, а завершавшая его на курсе Юрия Казакова. Она — из тех людей, о которых много говорят и мало знают. Она — везде и нигде конкретно. Андрей Турков аттестует её как «забытую ныне поэтессу Генриетту Миловидову», живущую «вприглядку на чужие крыши» [2, 525]. Е. Ржевская называет её мистической невестой и рисует портрет, в общем-то, несчастной женщины. Слышавшая невестой Кульчицкого, после падения третьего рейха и образования ГДР Генриетта вместе с родителями оказалась там. «По отчиму Генриетта могла считать Клару Цеткин своей бабушкой, что импонировало Кульчицкому» (Е. Ржевская). А вот что вспоминалось Николаю Глазкову. «Кульчицкий больше всего любил жениться. Каждую неделю он знакомил меня со своей новой женой. Наиболее выдающимися из его жен были Лена и Генриетта. Генриетта замечательна тем, что однажды мы втроём выпили семнадцать графинов разного вина. Допивая последнюю стопку последнего графина, я провозгласил, что оный пустой графин больше всего похож на Борю Слуцкого. Генриетта и Кульчицкий были изумлены точностью моего сравнения» (Н. Глазков. Из автобиографии, продиктованной в 50-х годах Давиду Самойлову).

Третий и четвёртый военные курсы представлены Борисом Заходером и Евгением Аграновичем. Думается, они в подробном представлении не нуждаются — их имена хорошо известны.

Борис Владимирович Заходер, фронтовик, прославился как детский поэт. Переводил стихотворения Гёте и сказки братьев Grimm, Кэрролла и Чапека, невероятной популярностью пользуются его пересказы произведений Памелы Трэверс и Милна. «Я научил Винни-Пуха говорить по-русски», — гордился Заходер. Наделённый природным юмором, он пустил свой дар в жанре и на придумывание заходеризмов и заходерзостей.

Фронтовик *Евгений Данилович Агранович* по окончании Литинститута стал известным бардом, писал песни на свои стихи, в том числе для кинофильмов. Профессиональный композитор, член Союза композиторов

СССР. В орловском литмузее есть группа поддержки творчества барда и посвящённый ему сайт.

Теперь представим тех авторов стихов сборника, о которых сегодня мало что известно.

Платон Никитович Воронько, прошедший финскую и Великую Отечественную войны, отважный партизан-подрывник, стал известным украинским поэтом, писал также и на русском языке. Друг Фёдора Траубе по Литинституту и военной диверсионной группе. Оставил содержательные воспоминания в письмах и стихах.

Фёдор (Фридрих Львович) Траубе. Перед войной, записываясь с другом Платоном Воронько в разведгруппу народного ополчения, взял псевдоним Фёдор Курбатов. Родился в Днепропетровске (исконный Екатеринослав, ныне город Днепр), где вместе с братом-близнецом окончил среднюю школу № 8. Оба, и Фридрих и Рафаил, погибли на фронте. В письме их матери наставник в творчестве «Федьки-партизана» (так звали его друзья) Илья Сельвинский написал: «Уважаемая Вера Вениаминовна! Это был один из самых способных моих учеников... Жить поэтом и умереть героем — это дано не всякому» (10.02.44 г.) Во всех воспоминаниях, которые мне довелось изучить, Фёдор предстаёт добрым, умным, красивым молодым человеком. Очень отважным. Вот он, живой, в воспоминаниях Анатолия Медникова.

«Платон Воронько и Фёдор Траубе объявили о своём уходе на особые курсы.

— Ухожу в диверсанты, — сказал мне Федя, — будем громить врага в его же тылу. Так что общий привет и не поминайте лихом. Я уже и псевдоним себе придумал... И Феде, и Воронько нравилось называть себя «советскими диверсантами». Понятия эти были окружены ореолом героизма и романтики» [4, 9].

«Декабрь и январь, военная страда... В эти дни в институтском коридоре появляется невысокий парень в полушубке, в меховой шапке с красной ленточкой партизана» [4, 13].

Федор был трогательно привязан к институту и друзьям. И всегда, как выдавалась минуточка, забегал «на огонёк». Вот и в этот раз он принёс очерк «Мой первый немец»... Он любил сидеть на подоконнике и рассматривать поэтических восприимчивиков.

А вот как трогательно пишет об одном из эпизодов военной школы обсуждения стихов Андрей Турков, тогда первокурсник.

«Помню семинар, который грозной осенью 1942 года вёл Илья Сельвинский. Когда общими усилиями от виршей вашего покорного слуги не осталось камня на камне, не знакомый большинству военных тихо возразил: “А мне понравились строчки: «...стояли леса, / Воды набравшие в рот»”.

Могу засвидетельствовать, что в них и сотой доли того не было, что щедро вкладывал в них Фридрих Траубе, командир разведчиков, совсем недавно выбравшийся из окружения (прочтите в его письмах: “Подстилка — бурьян, одеяло — бурьян, подушка — шапка”).

Кажется, это была его последняя побывка в Москве. Он погиб в разгар наступления на Орловско-Курской дуге. Это одна из тех потерь, о которых сказал Сергей Сергеевич Смирнов: “Как нелепо, когда люди гибнут в такие светлые дни! А впрочем, и светлые-то они потому, что за них гибнут” [2, 150].

Фёдор Траубе пал 29 июля 1943 года в бою под Белгородом. Известно, что он похоронен в братской могиле села Мясоедово (всего там погребено 1083 воина, погибших в боях с гитлеровской армией. от рук фашистских захватчиков. Первый памятник сооружен в 1968 г., затем 9 мая 1990 г. на средства колхоза «Рассвет». Брат Фёдора, Рафаил, погиб на подступах к Берлину. Внешне они очень походили друг на друга.

Фёдор Траубе был не только самоотверженным воином, но обретавшим свой голос поэтом. Скуповатый на похвалы Илья Эренбург писал ему: «

Дорогой товарищ Курбатов! Я получил Ваши стихи. В них много удачных строк. Я пошло их в “Знамя”. От души желаю Вам боевого счастья!».

С. С. Смирнов в пьесе «Крепость над Бугом» назвал одного из героев Фёдором Траубе. В РГАЛИ (фонд 632, оп. 1, ед. хр. 2391, 1942) хранится поэма Ф. Курбатова-Траубе «Второй фронт» и письма Н. Глазкова к нему; всё это ещё предстоит прочитать.

Борис Миронович Лебский. Это самый закрытый автор сборника. В воспоминаниях современников он предстаёт чудаком с задатками гения. Его образ живописует Анатолий Медников: «Он всегда шёл не с той ноги. В шеренге отделения он замыкал строй не потому, что был ниже всех, а чтобы не сбивать других бойцов». Его очень любил Борис Слуцкий. Биографию Лебского можно прочувствовать по стихотворению «Орфей», где Слуцкий не только указал внешние данные странного друга, но и драматические эпизоды его жизни. Очевидно, он побывал в застенках НКВД, что Слуцкий приравнивает к схождению поэта (певца Орфея) во ад. Рисуя портрет Орфея Лебского, поэт ничего не приукрашивает. Герой был в аду, но на его внешности это никак не отразилось.

— Метр шестьдесят восемь. / Шестьдесят шесть килограммов. / Сутулый.
Худой. Темноглазый. / Карие или чёрные — я не успел заметить. / Борис
был, наверное, первым / Вернувшимся из тюрьги: / Тридцать девятый / Из
тридцать седьмого. / Это стоило возвращения с Марса / Или из прохладного
античного ада.

Далее Слуцкий протокольно повествует о семье и привычках друга, его пристрастиях к чтению и российской истории, обычае «задавать вопросы в эпоху кратких ответов». И в финале как вердикт: «Сельвинский <...> принял его в семинар... Повторное возвращение / Ни одному Орфею / Не удавалось ни разу ещё».

Борис Лебский погиб в 1943 году на огненных степных просторах Украины.

Из вспышек воспоминаний прорисовывается образ красивых, светлых, открытых миру людей. «Под пули вышло наше поколение... Все мы вышли из шинели и Литинститута» (В. Федотов). «Многие уже стали пеплом... И всё равно — они живы и среди живых» (М. Львов).

Написавшие много лет назад эти прекрасные строчки поэты Литинститута ушли из жизни с надеждой на восприемников. Да не оставит нас благодарность за их подвиг жизни, да сохранит нам память наша их имена.

Что же касается раритета «Друзьям», то самая счастливая пора в судьбе этой книжицы пришлась на тяжёлую годину. Тогда она была востребована на фронте и в тылу. Ее и называли-то по-военному — не сборник, а тетрадь.

Тетрадь, которую можно уложить и в офицерский планшет, и в солдатский вещмешок, и в женскую сумочку. Потому-то и цена у неё высокая. Как точно сказал ещё один литинститутский поэт-фронтовик Григорий Левин, «без этих тонких, / В косую линейку солдатских тетрадок, / Не имеют цены золотого тиснения тома».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания о Литинституте. 1933–1983 / Составители: К. Я. Ваншенкин, Е. Ю. Сидоров, А. М. Турков. Гл. редактор В. Ф. Пименов. М.: Советский писатель, 1983. 480 с.
2. Воспоминания о Литературном институте. 1933–2008: в 4 кн. Книга первая / Редактор-составитель С. В. Молчанова. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2008. 640 с.
3. *Ржевская Елена*. Домашний очаг. Как это было // <https://www.litmir.me/br/?b=429253&p=1> (ЛитМир—Электронная библиотека)
4. *Медников Анатолий*. Избр. произведения: в 2 т. М.: Худ. лит., 1983. Т. 1. 551 с.

REFERENCES

1. *Vospominaniya o Litinstitute. 1933–1983* [Memories of Maxim Gorky Literature Institute] // *Sostaviteli: K. Ya. Vanshenkin, E. Yu. Sidorov, A. M. Turkov. Gl. redaktor V. F. Pimenov. M.: Sovetskij pisatel', 1983. 480 s.*
2. *Vospominaniya o Literaturnom institute: V 4-h kn. Kniga pervaya* [Memories of Maxim Gorky Literature Institute in 4 vols. Vol. 1] // *Redaktor-sostavitel' S. V. Molchanova. M.; Izd-vo Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo, 2008. 640 s.*
3. *Rzhevskaya E. Domashnij ochag. Kak eto bylo* [The hearth. How was it] // Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=429253&p=1> (LitMir—Elektronnaya biblioteka)
4. *Mednikov A. Izbr. pr-niya v dvuh tomah* [Selected works in 2 vols.] M.: Hud. lit., 1983. Tom 1. 551 s.